

СТОЖКО Дмитрий Константинович

Кандидат философских наук, доцент
кафедры общей и экономической истории

Уральский государственный экономический университет
620144, РФ, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45
Контактный телефон: (343) 221-27-12
e-mail: kafist354@yandex.ru

ФОМЕНКО Светлана Сергеевна

Заместитель начальника учебно-производственного центра

ООО «Газпром трансгаз Югорск»
628260, РФ, Тюменская область, Ханты-Мансийский АО, г. Югорск, ул. Мира, 15
Контактный телефон: (34675) 2-17-15
e-mail: sfomenko@ttg.gazprom.ru

Мир и безопасность в условиях мультикультурализма

Ключевые слова: этнос; этногенез; этническая самоидентификация; культура; мультикультурализм; комплиментарность; пассионарность.

Рассмотрена специфика кризиса современного мультикультурализма в контексте концепции гомеостаза Л. Н. Гумилева. Обоснован тезис о необходимости развития правосознания личности как фактора ее этнической самоидентификации в условиях культурной интеграции.

В современном мире к наиболее важным причинам военно-политических конфликтов относят прежде всего углубление этнических противоречий и этнополитические проблемы. В условиях деформации этнополитических отношений многие социумы не хотят утрачивать свою этническую идентичность, а глобализация как раз и несет в себе угрозу разрушения традиционных ценностей и укладов жизни народов. После окончания «холодной войны» в мире возникла иллюзия, будто восточная и западная цивилизации оказались в состоянии устойчивого и гармоничного равновесия, а войны становятся все менее маловероятными. С. Хантингтон отмечает: «Момент эйфории по окончании „холодной войны“ породил иллюзию гармонии, и вскоре оказалось, что это была именно иллюзия» [1. С. 31]. События в Афганистане, Ираке, Кувейте, Сербии, Ливии, Сирии непосредственно это подтверждают.

Глобальный мир снова оказался в состоянии войны, но теперь эта война проходит не только и не столько на полях боевых действий, сколько на фронтах идеологической политики и межэтнических взаимоотношений. Понимая, что современным оружием свою гегемонию уже не отстоять, западная цивилизация провозгласила новый лозунг – мультикультурализм. Но и это не помогло. П. Дж. Бьюкенен заявляет: «Смерть Запада, как говорится, на подходе» [2. С. 317]. Утрата своей этнической идентичности на Западе идет полным ходом: исламизация европейского населения, однополые браки, ювенальная юстиция и ряд других «изобретений» уже не помогают, не действуют, а точнее – действуют разрушающим образом, еще более активно приводя к утрате социумами своей этнической идентичности.

Этническая идентичность отвечает на вопрос о национальной принадлежности личности. Понятие «этнос» ввел в научный лексикон Л. Н. Гумилев. До него большинство исследователей оперировали другими терминами: «государство», «классы»,

«нация», «племя», «народ», «коллектив», «социальная группа». Гумилев обратил внимание на то, что «термин „этнос“ очень пригоден для того, чтобы им обозначать сообщества, на которые распадается человечество» [3. С. 38]. Этнос, по его мнению, – это единица измерения исторического времени, своеобразная историческая секунда, которая определяет направление и ход естественного исторического процесса, «форма существования вида *Homo sapiens* и его особей, которая отличается как от социальных образований, так и от чисто биологических характеристик, какими являются расы» [3. С. 42]. Раса различает людей по анатомическим, биологическим признакам: цвет кожи, разрез глаз, форма черепа и т. д. Каждый этнос, по Гумилеву, «состоит из двух и более расовых типов». И далее: «Многорасовых этносов я не знаю ни одного. Если же они составляют единый расовый тип, то это в результате довольно длительного отрицательного отбора, а вначале они всегда состоят из двух и более компонентов» [3. С. 45]. Этнос не совпадает с популяцией: в этносе всегда есть брачные ограничения, которых нет у популяции, например, мух или мышей. Этнос не является ни биологическим, ни социальным явлением. Этнос – понятие географическое, связанное с определенным ландшафтом, который кормит адаптированный к нему этнос. Для Л. Н. Гумилева история есть процесс происхождения и исчезновения этносов (этногенез), а этнос – «замкнутая система дискретного типа – корпускулярная система. Она получает единый заряд энергии и, растратив его, переходит либо к равновесному состоянию со средой, либо распадается на части» [3. С. 60]. По его мнению, в биосфере существуют именно такие системы – «природные коллективы людей с общим стереотипом поведения и своеобразной внутренней структурой, противопоставляющие себя („мы“) всем другим коллективам („не мы“). Это именно тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и кристаллизует их в свою культуру» [3. С. 60].

Л. Н. Гумилев считает, что люди объединяются по принципу *комплиментарности*, под которым он понимал неосознанную симпатию к одним людям и антипатию к другим. Первоначальный этнос, по его мнению, создавался именно так. Как только принцип комплиментарности заменялся принципом *всеобщности*, система (этнос) испытывала удар и деформировалась.

Патриотизм и комплиментарность, по мнению Гумилева, – явления одного порядка, ибо внутриэтническая комплиментарность является мощной *охранительной* силой. Вместе с тем он предупреждал, что в этом необходимо знать меру, ибо, увлекшись патриотизмом, можно начать ненавидеть и отрицать все чужое, что в конце концов может привести к шовинизму.

На человека, как и на все живые организмы, оказывают влияние физические и биохимические силы биосферы. Опираясь на учение В. И. Вернадского о биохимической энергии живого, Л. Н. Гумилев пришел к выводу, что энергия в ходе исторического развития распределялась в разных регионах и в разные эпохи далеко не равномерно. Это сказалось на формировании характера, на поведении, на менталитете людей, народов, этносов. Эффект, производимый вариациями энергии на них, автор назвал *пассионарностью*. «Пассионарность, – писал Л. Н. Гумилев, – это характерологическая доминанта, необоримое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной). Заметим, что цель эта представляется пассионарной особи иногда ценнее собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников» [3. С. 71].

Из приведенных выше суждений Л. Н. Гумилева следует, что происхождение этноса связано, по существу, с определенным ценностным выбором, который осуществляет тот или иной народ, проживающий на той или иной территории. Ценностный выбор затем закрепляется в виде системы и иерархии ценностей, которые составляют определенный духовно-нравственный код этноса.

В истории философской мысли известны авторы, которые отвергали эту идею и стремились сформировать концепцию «единого человека», «универсального человека». В основу своих теоретических конструкций они закладывали идеи дезидентификации личности. Эвристическую основу конструирования такого «абстрактного» человека составляли положения: «...почвы нет, народа нет, национальность – это только известная система подачей, душа – *tabula rasa*» [4. С. 79].

Яркий представитель данного направления – Ф. Ницше, для которого человек был «самое больное и уродливое среди животных существо» [5. С. 149].

Однако этническая идентичность при таких попытках конструирования «сверхчеловека» не становится менее актуальной, ведь личность существует в определенной социальной среде, в которой она вынуждена делать выбор. И выбор носит ценностный характер – это выбор между культурой и дикостью, между цивилизацией и варварством. Причем личности, как и этносу, постоянно присуща бинарность мышления, некая антитеза «мы – они», «свои – чужие». Идентификация и есть соотнесение внутреннего «я» личности с одним из полюсов этих бинарных оппозиций и восприятие собственной сопричастности, соучастия, принадлежности к нему. Этнос – «только та культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей» [6. С. 262]. Подчеркнем в этом определении слово «культурная», поскольку находились исследователи, которые пытались объяснить этнос другими сущностными признаками. Например, еще в XIX веке М. Тэн главным фактором считал окружающую среду (ландшафт) [7]. Конечно, этническая самоидентификация личности связана с тем, что ее сознание обращено к определенному месту в пространстве, где она рождается и проживает разные фазы своей жизни. Но этим не исчерпывается этническая самоидентификация. Более того, она и не замыкается на данном сугубо пространственном факторе, поскольку самосознание как способ восприятия себя в пространстве вовсе не ограничивается физическим пребыванием индивида в строго определенном месте. Так, люди, находясь за тысячи километров от своей исторической родины, отождествляют себя с нею ментально, физически же они находятся вне нее. Поэтому представления М. Тэна и его сторонников – это географический детерминизм. К правосознанию такой детерминизм имеет самое прямое отношение, ибо ментальное восприятие своей этнической принадлежности трансформируется в переживания и беспокойство о своей исторической родине, о «малой» родине. Из подобных переживаний вырастает собственное представление о том мироустройстве, которое личность желала бы видеть для своей родины. И здесь, конечно, особое место занимает уже не географический момент, а культура. Что же касается первого, то «хотя бы сторонники географического детерминизма или нет, но природа под их пером превращается в своего рода „козла отпущения“, и на нее возлагается вина за культурную и экономическую отсталость, за недостатки политического и общественного устройства страны» [8. С. 58].

Этническая самоидентификация, как отмечал еще Н. Я. Данилевский, осуществляется самосознанием личности по четырем направлениям: в области религиозной деятельности; в области культурной деятельности; в области политической деятельности; в сфере общественно-экономической деятельности. На основании совокупности указанных направлений Н. Я. Данилевский различал и разные типы цивилизаций: одно-, двух-, трех- и четырехосновные. Славянскую цивилизацию он относил к трехосновной, полагая, что в ней развиваются религиозный, политический и общественно-экономический моменты [9].

Важнейшей составляющей этнической самоидентификации выступает именно политическая составляющая. «Русские чувствуют себя частью одной державы; для нее, если требовалось, они оставляли нажитое добро, поджигали свои дома, оставляли на погибель родных и близких, отдавали ей столько крови, сколько нужно, чтобы

вызволить ее из беды. Взамен платы не спрашивали – они не наемники. Таким-то улом и завязывалась Россия» [10. С. 86]. В приведенном определении русского правосознания личное, хотя и поставленное добровольно и сознательно на службу государственности, обретает черты сакрального, абсолютного, высшего уровня ценности. И поэтому личное правосознание, как бы презрительно его ни понимали и ни умаляли значения, – это правосознание, с которым государственное право не просто должно, а обязано считаться. Отсюда следует, что именно личное правосознание было и остается той последней инстанцией, которая определяет реальность государственного права и правового сознания людей. Именно личное правосознание, проходящее через горнило этнической самоидентификации, обретает нравственное основание быть тем камертоном, который отличает фальшивые правовые нормы, навязанные народу бюрократией, от подлинного государственного права, которое человек выбирает сердцем и душой. Иного не дано. И именно на этой основе появляется то, что Л. Н. Гумилев называл пассионарным напряжением.

Этногенез, по мнению Л. Н. Гумилева, представляет собой «весь процесс становления этноса от момента его возникновения до исчезновения или перехода в состояние гомеостаза» [3. С. 91–92]. Он начинается с толчка, чаще всего с микромутации или мутации. Но мутируют только отдельные особи. Чтобы возник этнос, необходима пассионарность членов всей консорции. Пока мы можем говорить только «о тенденции к подъему или спаду, о большей или меньшей степени пассионарного напряжения» [3. С. 92]. По его наблюдениям, инкубационный период, т. е. период от начала и до конца пассионарного толчка, составляет около 150 лет. Но эти рамки относятся к этносу в целом. Пассионарная личность может формироваться гораздо быстрее, поскольку импульсы к росту ее социальной активности определяются рамками этнической самоидентификации, которые могут быть гораздо меньше. Это связано с конкретными фазами (этапами) этногенеза. Л. Н. Гумилев, например, выделял следующие фазы этногенеза: исходную, подъема, акматическую, надлома, инерционную, обскурации, мемориальную и вырождения.

На процесс этнической самоидентификации индивида влияют *пространство* и *время*. Пространство – этническое и ландшафтное окружение, уклад жизни, формы хозяйства, связи с соседями – всё то, что обуславливает характер культуры конкретного этноса. Время в данном случае – фаза этногенеза и этнического окружения. Кроме времени и пространства, этнос имеет и третий компонент – *энергию*. В процессе пассионарного развития ее сила определяет ход и направление этногенеза; энергия идет на создание всех культурных ценностей (книг, скульптур, идеологических концепций и т. д.) и политическую деятельность (управление государством, создание территориальных структур, городов и т. д.). Но, как и везде, пассионарная энергия имеет два полюса (биполярность). При этом поведенческая доминанта этноса может пойти в сторону усложнения или упрощения систем. Определителями направления доминанты являются философские и социально-политические учения, которые позволяют отличить положительную систему от отрицательной, найти смысл жизни в той или иной исторической ситуации.

Акматическая фаза этногенеза, по версии Л. Н. Гумилева, кратковременна. «Перегревы в акматической фазе сменяются временными спадами, когда правительствам удается навести кое-какой порядок. Но следующая вспышка пассионарности ломает установившиеся нормы, и регион событий опять становится ареной соперничества страстных и отчаянных персон» [3. С. 237]. Внешне этот спад пассионарного напряжения малозаметен. Он может показаться даже прогрессом, так как ему сопутствуют успехи в хозяйственной и культурной деятельности. При наличии способностей люди могут самовыразиться в науке, искусстве, технике, тем более что спад пассионарности идет медленно. Наступает период «золотой посредственности», и процесс

умиротворения становится долгим и мучительным. Появляются мученики и жертвы. Этическая система начинает постепенно меняться.

После акматической фазы наступает пассионарный *надлом*, когда все развитие этногенного процесса видоизменяется. Иногда система распадается на две-три, и их различия все более усиливаются, а сходство отступает на второй план. В процессе снижения пассионарности к руководству системами приходят люди, которые не всегда чувствуют, что система уже дает сбой. Их эгоистическая этика создает новый стереотип поведения родовых членов этноса, которые упрощают и ослабляют этническую систему.

В упрощенной системе происходит выброс свободной пассионарной энергии, которая может проявиться во всплеске интеллекта, реформаторской или творческой деятельности. Но так как не все люди имеют способности к творчеству, а «пассионарность – феномен популяционный», то там, где обнаружили слабые места, люди могли браться и за оружие. В такой период вызревают «реформации», и они являются «индикаторами надлома». Подобное наблюдалось во многих европейских, азиатских и других странах. В такие времена происходят революции, «перестройки», гражданские войны, реформы. Л. Н. Гумилев квалифицировал фазу надлома как «возрастную болезнь этноса», которую «необходимо преодолеть, чтобы иметь иммунитет. Этнические коллизии в предшествующей – акматической и последующей – инерционной фазах не влекут столь тяжелых последствий, ибо не сопровождаются столь резкими изменениями уровня пассионарности, как при надломе» [3. С. 265].

После фазы надлома наступает *инерционный* период, который Л. Н. Гумилев квалифицирует как расцвет той или иной культуры и хозяйства. Формируется новый идеал, «отвлеченный идеал человека, на которого следует равняться и которому следует подражать <...> В Англии общезначимым стал идеал джентльмена; в Византии – идеал святого; в Центральной Азии – идеал богатыря; в Китае – просвещенного крестьянина, грамотного и читающего философские книги» [3. С. 305]. Данную фазу этногенеза он называет «золотой», так как в этот период люди собирают плоды, наслаждаются покоем, расширяются территории государств, появляются выдающиеся мыслители, писатели, деятели искусства. Но Л. Н. Гумилев подчеркивает, что в этот период незаметно, постепенно в обществе начинает убывать пассионарность. Инерционный период, таким образом, имел как достоинства, так и недостатки. В это время у европейцев появляется страсть к колониальным захватам, так как фазу надлома не всем удается благополучно пережить. Это «возрастная болезнь этноса», эпоха торжества обывательского цинизма. Обыватель, понимая, что война – дело рискованное, направляет свои усилия на преобразование природы. Воплощение лозунга «Человек – царь природы» приводит к тому, что с нее (природы), как пишет Гумилев, стали брать дань «спокойно и планомерно». Особенно в этом преуспели европейцы в Северной и Южной Америке, где они уничтожили не только природу, но и коренное население – индейцев.

Л. Н. Гумилев пишет: «...то, что европейские эволюционисты называют „цивилизацией“, а мы „инерционной фазой этногенеза“, не так уж безобидно и прогрессивно. Оказывается, что за все надо платить. И везде, где проходила инерционная фаза, цивилизация пилила сук, на котором сидела» [3. С. 335]. Далее происходит смена фазовых императивов.

Новый этап развития этноса – *фаза обскурации*, когда люди субпассионарного уклада постепенно создают прослойку в этносе, которая подвергает сомнению трудолюбие, интеллектуальные успехи. Наблюдается снижение качества как самой деятельности людей, так и ее результатов в науке, искусстве. Появляются коррупция, невежество, беспринципность. Некоторые этносы даже не доживают до этой стадии, поскольку гибнут от указанных недостатков еще в процессе перехода. Субпассионарии вытесняют гармоничных особей, которые были провозглашены лидерами и определяли общественный идеал в предыдущей инерционной фазе. Но сами субпассионарии не способны

к сосредоточению, четкой организации и дисциплине – они способны только к развалу и дезорганизации. Фазу обскурации могут усилить природные катастрофы: засуха, град, мороз, недород и т. д. Некоторые этносы при этом становятся реликтовыми, попадают в состояние этнического гомеостаза. Л. Н. Гумилев не соглашался с мнением, что гомеостатические этносы – отсталые племена. Просто они адаптировались к другим историческим и географическим условиям. «Реликтовые народы – это не начальные, а конечные фазы этногенеза» [11. С. 360], когда народ теряет способность к саморазвитию. Фаза обскурации – последняя в этнической истории.

За фазой обскурации идет новый этнический процесс – *регенерация*, в рамках которого формируется новый этнос и реализуется этническое самосознание. Например, вместо прежнего русского народа формируется новый многонациональный российский народ, а этническое самосознание охватывает уже не только рамки русской, но и многонациональной российской культуры. Это означает, что правосознание личности воспринимает как свои (а не чужие, как было ранее) ценности разных наций, составляющих многонациональный российский народ. Соответственно, и национальное право как ценность, несет в этом восприятии свою смысловую нагрузку. Оно включается в общие представления о праве и в общую правовую культуру российского народа.

Как говорилось выше, этнос – это определенное число людей, имеющих черты сходства во внешнем виде, языке и образе жизни. Предпосылками сходства можно считать природу внутреннюю (соматические черты, передаваемые по наследству) и природу внешнюю (ландшафт, территорию, климат). Но именно культурное сходство окончательно оформляет этнос, выступает основой этнической самоидентификации. «Следовательно, этнос – это природно-культурное образование» [12. С. 132].

Этническая самоидентификация как основа правосознания личности осуществляется не сразу, а поэтапно. Первой ее фазой является эмоционально-чувственное восприятие своего «я» как сопричастного конкретному этническому «мы». На этом этапе формируется ассоциативный ряд – некие образы, через которые личность сопоставляет свое «я» с другими «я». Посредством такого сопоставления она ищет и находит среди других «я» близкие (идентичные) своему «я». Далее начинается фаза ценностной редукции, т. е. отбора из всех наличных ценностных ориентаций тех ценностных предпочтений, которые в большей степени свойственны аутентичным «я». Эти ценности рассматриваются личностью как близкие ее собственным ценностным представлениям. Третья фаза этнической самоидентификации заключается в самоопределении личности, которая делает выбор в пользу тех ценностных установок, которые она приняла как «свои». Этот выбор представляет собой процесс перехода прежних представлений в убеждения. Наконец, четвертый этап этнической самоидентификации личности связан с выработкой нормативной основы ее отношения к «своим» и «чужим» ценностям. Это означает выбор способов и средств защиты ценностей, мер по отсеиванию чуждых ей ценностей.

Самоидентификация необходима, чтобы человек мог самостоятельно ориентироваться в жизненном пространстве, разумно судить о действительности. Но для этого она должна опираться не на произвольные желания и устремления индивида, а на нормы права. Именно поэтому нормы права являются ценностью. Правовое самосознание должно быть когерентным, т. е. отражающим соизмеримые нормы права. Только при этом условии правосознание может быть конструктивным, системным и нравственным.

Каждому описанному выше этапу этнической самоидентификации соответствует определенный тип мышления индивида. Первый этап связан с ассоциативным мышлением, когда индивид соотносит себя с другими через метафоры и образы. «Метафоры, включая ассоциативное мышление, дают огромную экономию интеллектуальных усилий. Именно здесь и скрыта ловушка, которую ставят манипуляторы сознанием» [13. С. 126].

Процесс этнической самоидентификации не может останавливаться на метафорическом восприятии своей принадлежности, а должен развиваться (второй этап) в сторону логического мышления. С помощью логического мышления индивид осуществляет ценностный отбор, который далее служит основанием для окончательных выводов и суждений. Но и при этом нельзя останавливаться, поскольку «логическое мышление прозрачно, его структура прекрасно изучена. Значит, в него можно вторгнуться и исказить программу, лишив человека возможности делать правильные умозаключения» [13. С. 113].

На третьей стадии этнической самоидентификации наступает очередь диалектического мышления. Диалектика есть логика познания. Но диалектическое мышление – это уже не формально-логическое мышление, а особый его тип, который берет объект во всех его противоречиях и взаимозависимостях и оперирует с таким объектом как с целым.

Наконец, на четвертой фазе этнической самоидентификации подключается нормативное мышление, которое представляет собой продукт развития диалектического мышления, но отличается от последнего тем, что формализует объект познания, каким является на этом этапе уже само право.

Таким образом, правосознание является прямым следствием этнической самоидентификации. При сохранении органичной связи между этнически идентифицированным субъектом и государством правосознание становится важным ресурсом развития и совершенствования всей системы права. Но при возникновении разрыва (отщепенства) между таким субъектом и государством правосознание оказывается основанием, на котором появляется стереотип антигосударственности.

Отщепенство от государства и лежащая в его основе ненависть к государству стали результатом разрушения традиционного общества. Как писал в своей книге «Восстание масс» Х. Ортега-и-Гассет, суверенитет индивида вышел из стадии отвлеченной правовой идеи, а государство, наоборот, оказалось сведенным до уровня «ночного сторожа». Об этом же в «Вехах» писал и П. Б. Струве. Поэтому восстановление и сохранение традиции как основы ценной иерархии конкретного этноса – это первоочередная мера по восстановлению сигизии (термин В. С. Соловьева), т. е. гармонии между личностью, обществом и государством.

И здесь этническая идентичность есть не что иное, как проявление собственной субъектности личности, ее способности к самоидентификации, к проявлению своего самосознания и правосознания. «Вследствие способности к сознательному размышлению, к рефлексии человек подвергает суждению и оценке все фактические данные своей внутренней и внешней жизни» [14. С. 53]. Этот процесс обусловлен, по мнению Соловьева, верой и опытом: «Если существование внешней действительности утверждается верою, то содержание этой действительности (ее сущность, *essentia*) дается опытом» [14. С. 56].

Существуют два типа веры – сакральная (религиозная) и светская (доверие). Если, учитывая кризис современной религиозности (экуменизм), вместо религии иметь в виду доверие, то обнаруживаются следующие факторы, детерминирующие кризис мультикультурализма и развитие правосознания людей:

- упадок религиозного сознания в европейских государствах и сохранение высокого уровня ортодоксальной религиозности у мигрировавших в Европу представителей восточных стран;
- низкий уровень доверия иммигрантов к европейским государствам и системам государственного права и, наоборот, сохранение в их менталитете родовых (этнических) правовых норм;
- относительно большой опыт коренных европейских этносов-социумов и сравнительно небольшой (непродолжительный) опыт существования в принципиально новых условиях представителей миграции;

• как следствие, стремление мигрантов внести в европейскую культуру, в менталитет, в систему права свои этнические представления, нормы и ориентации, что ведет к столкновению культур и цивилизаций.

Весьма характерно мнение, что уже «к началу 1990-х две трети иммигрантов в Европе были мусульманами, и обеспокоенность европейцев иммиграцией была, прежде всего, обеспокоенностью мусульманской иммиграцией. Европе брошены вызовы. Демографический – на долю иммигрантов приходится 10% новорожденных в Западной Европе. Культурный – мусульманские общины (будь то турецкая в Германии или алжирская община во Франции) не интегрировались в принявшие их культуры» [1. С. 311]. При этом иммигранты несут свои традиции на новые территории и не приемлют корневые традиции европейцев [15].

В этих условиях правосознание людей оказывается не просто диверсифицированным, но и «расколотым»: с одной стороны, каждый гражданин понимает, что «поступать по совести и только по совести есть право и обязанность всякого человека, и в этом смысле всякий человек есть нравственный самодержец» [14. С. 859], а с другой – «государство есть действительное историческое воплощение людской солидарности», но, как оказывается на практике, «только для европейцев» [14. С. 855]. И в этой европейской «солидарности» культура (в том числе и правовая) мигрантов становится чуждой. Потому что, как гласит известная поговорка, «нельзя со своим уставом лезть в чужой монастырь». А «монастырь», открывший свои ворота настежь всем и каждому, – это уже проходной двор.

В России процессы мультикультурализма во многом схожие: в основном, в нашу страну также приезжают представители мусульманства; в отличие от стран Западной Европы у нас гораздо больше центров поддержки собратьев по вере, поскольку наша страна многонациональная и многоконфессиональная. Именно поэтому необходимо извлечь уроки из кризиса европейского монокультурализма и учитывать особенности правосознания представителей разных этносов и культур при разработке миграционной, молодежной, культурной политики.

Источники

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций : пер. с англ. М. : АСТ, 2003.
2. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада : пер. с англ. М. : АСТ, 2003.
3. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М. : Танаис, 1994.
4. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 10 т. М. : Изд-во худож. лит., 1956. Т. 4.
5. Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей : пер. с нем. М., 1994.
6. Ерасов Б. С. Социальная культурология. М. : Аспект-Пресс, 1996.
7. Тэн М. Философия искусства. М.: Изобразительное искусство, 1995.
8. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. XVIII – начало XIX века : в 2 т. СПб. : ИД «Дмитрий Буланин», 1999. Т. 1.
9. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991.
10. Нестеров Ф. Связь времен. Опыт исторической публицистики. М. : Наука, 1987.
11. Ильин И. А. О чувстве ответственности // Ильин И. А. Наши задачи : в 2 т. М., 1992. Т. 2.
12. Фадеичева М. А. Национальные и этнические предубеждения в структуре мировоззрения // Мировоззрение и культура : сб. ст. Екатеринбург : БКИ, 2002.
13. Кара-Мурза С. Г. Манипулирование сознанием. М. : ЭКСМО-Пресс, 2005.
14. Соловьев В. С. Значение государства // Соловьев В. С. Спор о справедливости. М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 1999.
15. Appelrouth S., Edles L. D. Classical and Contemporary Sociological Theory : Text and Readings. Los Angeles : Pine Forge Press, 2008.